

АЛЕКСАНДРА
ЯКОВЛЕВА

ГОЛУБИНЫЕ ДЕТИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

ЛитРес: Самиздат

12+

Александра Яковлева
Голубиные дети

«Автор»

2020

Яковлева А.

Голубиные дети / А. Яковлева — «Автор», 2020

Если вечно забывать детей то там, то здесь, когда-нибудь они в самом деле пропадут. Так происходит с близнецами Максом и Пашкой. Пока родители заняты своими проблемами, братья находят в лесу пустую голубятню и уходят прочь — к новым мирам, в новую жизнь. У каждого из них свой путь, как в прятках: один теряется, другой ищет. А ещё — как в жизни: один, поборов страхи, становится сильнее, другой, поддавшись гневу и отчаянию, разрушает всё вокруг. «Голубиные дети» — фэнтези-повесть писательницы Александры Яковлевой, автора фантастических и реалистических рассказов и сказок. Эта история об одиночестве и взрослении, о неизбежных переменных и принятии своей судьбы подойдёт читателям от 9 до 99 лет.

© Яковлева А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Долина Потерянных	6
1	6
2	11
3	16
4	22
5	27
6	32
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александра Яковлева

Голубиные дети

**Часть
I**

Долина Потерянных

1

Пиратская шхуна на всех парусах шла к далёкому и таинственному острову сокровищ. Пашка сидел на её корме и в то же время – на горячем крыльце дедушкиного дома, задумчиво покусывая ноготь.

Стояла середина июля. В полуденном зное дрожал воздух, солнце припекало макушку. Пашка всё хотел сходить за кепкой – вот только абзац дочитает. Ладно, ещё страницу. Нет, лучше главу.

Книжка про пиратов не отпускала. Она пахла пылью и лимонным маслом. Точно так же пах и остальной дом, и спальня дедушки, и шкаф с растрёпанными сказками, журналами «Юный натуралист», энциклопедиями, атласами. Дедушкина библиотека оказалась самым интересным местом в деревне. Пашка просидел бы около неё хоть всё лето, но мама сказала, что от пыли могут опять начаться приступы. Сошлись на том, что читать он будет на свежем воздухе.

Лязгнул засов, скрипнула калитка, и во двор ворвался Макс, а вместе с ним и ветер.

– Пол – это лава! – Макс взлетел на перила крыльца и стал болтать ногами.

Пашка не поддался. Он поднял большой палец вверх, как в старом боевике, перевернул страницу. Он и так полдня тут плавился, дальше уже некуда.

– Ты полдня тут плавишься, – сказал Макс.

Совсем недавно Пашка вычитал, что близнецы часто думают об одном и том же. Жаль, у них с Максом если и срабатывало, то по всякой ерунде. Наверное, только одинаковые близнецы могут всерьёз, а они с Максом ведь разные. Но в книге ничего об этом не писали. Пашка решил, что сам напишет, когда вырастет.

– А мы на затоне были, – похвастался Макс. – Прыгали с тарзанки. Шурик обгорел, весь красный, баба Люба его сметаной намазала, а на нас наорала. Было весело! Зря ты не пошёл.

– А я за сокровищем плыву, – ответил Пашка в том же тоне. – Зря ты со мной не плывёшь.

Макс фыркнул и затих. Где-то вдали протяжно гудел скоростной поезд. Он нёсся по рельсам и знать не знал о деревне Сныть, спрятанной среди лесов и полей, о Пашке и Максе, непохожих близнецах, которых мать увезла из города в эту самую Сныть – на лето или на всю жизнь, пока неизвестно.

– Снова твою древнюю книжку про пиратов? – Макс сделал вид, что ему всё равно, а спрашивал он просто из вежливости.

Пашка фыркнул:

– Что б ты понимал. Она колоссальная!

– Какая-какая? – Макс закатил глаза. – Опять твои словечки!..

– Крутая, говорю, книжка. Там про море, и корабли, и сражения... Мультик был ещё, советский. Помнишь, смотрели? Где песня про мальчика Джонни.

– А, вспомнил, – Макс почесал в белом ёжике волос. – Ладно. Хочешь море и пиратов? Будет тебе и море, и пираты. Айда до ребят – наберём лучшую команду!

– Правда? – Пашка вытянулся, даже книгу отложил. – А Шурика, наверное, не отпустят, да?

– Да ну его, пусть лежит. Слишком нежный для пирата.

– Шурик просто пацифист, – не согласился Пашка. – Это значит, что он за мир.

– Так и я за мир. За новый пиратский мир!

Макс прицелился и прыгнул с перил прямо на забор:

– Свистать всех наверх! – крикнул он и сиганул вниз. – Полный вперёд!

Пашка подскочил и побежал за Максом. Книжка про пиратов и сокровища осталась на крыльце, и ветер листал её страницы.

Братья бежали босиком: никто из снытинских не обувался, а Макс сразу, как приехали, решил соответствовать. Единственная хорошая дорога, закатанная в асфальт, обжигала ноги.

– Разрази меня гром! – подпрыгивал Макс. Нет. Теперь – капитан Макс, командующий пиратским судном, гроза семи морей.

Дорога превратилась в фарватер. Мимо проплывали соседские дома и огороды, колодцы и магазинчики, телята и козы на выпасе, заброшенная общественная баня, заколоченная школа. А потом начался луг, и он был похож море – травяное, волнующееся на ветру. Макс и Пашка нырнули в него с головой.

На том похожесть и кончилась.

Оказалось, бежать через луг совсем не то же самое, что плыть по воде. Пашка то и дело спотыкался на кочках, трава хлестала по лицу, а ещё эти жуткие оводы! Он всё больше отставал от Макса, болтался в хвосте. Вот сейчас задохнётся, упадёт без сил – и останется лежать в траве, просто лежать и ждать, когда Макс вернётся за ним. Если вообще вернётся.

– Макс, подожди! – крикнул Пашка. Вышло как-то жалобно, потому что кололо в бок.

Макс обернулся, махнул рукой:

– Догоняй!

И тут оба увидели белую птицу.

– Лопни мои глаза! – воскликнул Макс. – Это что, голубь?

Пашка сразу вспомнил картинку из дедушкиной энциклопедии: маленький клюв, хохолок, лохматые лапки и подпись курсивом.

– Это гданийский... высоколётный сокол, – выдохнул он.

– Ты что, умник, голубя от сокола отличить не можешь?

– Порода так называется... Декоративная...

– И что она в деревне забыла, эта порода?

Такого в энциклопедии не писали, и Пашка промолчал. А птица, покружив над ними, устремилась к дальнему лесу, будто сама хотела убраться подальше от людей.

– Давай за ним! – позвал Макс. – Ложимся на левый галс!

С бегом у Пашки не задалось с самого детства. Да и как по-другому, если на всю жизнь освобождён от физкультуры? Астма лишила его практически всего на свете: футбола, роликов, друзей во дворе. В спешке пакуя вещи, мама убеждала, что деревня – лучшее лекарство от астмы. Как будто дело только в ней.

Пашка уже начал всерьёз бояться, что вот-вот рухнет и Макс никогда не найдёт его в траве. Но тут луг, наконец, кончился, и он вывалился на грунтовую дорогу. Макс поджидал его, нервно пританцовывая.

– Куда?... – просипел Пашка, сложившись пополам. Он хотел спросить, куда делся голубь, но не мог набрать воздуха. Горло сжало, сдавило.

Макс не растерялся. Он достал из Пашкиного кармана ингалятор, сунул брату под нос:

– На, дыши. В лес улетел.

Пашка вдохнул пару раз через ингалятор, потом уже задышал сам. Выпрямившись, осмотрелся.

За грунтовкой начинался светлый берёзовый лес. Дорога вела вдоль него к нескольким брошенным домам. Избы стояли кривые, давно опустевшие. Июльское солнце золотило ржавые крыши. Если кто и жил здесь, так только тишина – и, может быть, мыши.

Так далеко от Сныти они ещё не забирались.

– Какое-то кладбище, – пробормотал Пашка. – Давай вернёмся, а?

– Ты ж сам хотел! Пираты, остров сокровищ... – удивился Макс. – Мы вон сколько отмахали – и чего теперь? Назад?

Пашка обернулся, но не увидел позади ни ровных рядов снытинских крыш, ни линий электропередачи. Только луг, без конца и края. И захочешь – не вернёшься.

– Ладно. – Он вздохнул. – Только давай быстро. А то ещё мама потеряет.

– Ага, если вообще заметит. Пошли.

Опушка берёзового леса была вся красная от спелой земляники, из травы то там, то сям выглядывали грибы – на тонких ножках, с тёмными сопливыми шляпками. Мама звала их обабками.

– Она б тут насовсем прописалась, – сказал Пашка.

Из города мать увезла их сразу, как начались летние каникулы, спрятала в тихой деревне, в пустом дедушкином доме. И как сорвалась: каждый день ходила то по ягоды, то по грибы, подолгу бродила одна, возвращалась только к вечеру. Часто – с пустой корзиной.

– Да и пусть, – ответил Макс. – Иногда человеку полезно побыть одному.

Пашка только дёрнул плечом и отвернулся.

Берёзы шумели, скрипели от ветра. Чёрные пятна на их стволах, похожие на глаза, как будто следили за братьями. Макс всё выглядывал голубя среди ветвей, Пашка же старался смотреть под ноги. В высокой траве блестели спины камней, гладкие, как брусчатка. Камни складывались в самую настоящую тропинку. По ней-то и шли, углубляясь в лес.

На одном из камней лежало белое голубиное перо. Пашка подобрал его и зачем-то положил в задний карман шорт. Просто так, без всякой мысли. Вернее, мысль была, но немного глупая. Пашка давно хотел начать коллекцию – марок, или монет, или хотя бы вкладышей от жвачки. Но в деревне о марках и монетах можно забыть. «Перья тоже сойдут», – подумал он.

– Там! – воскликнул Макс, указывая на зелёные кроны вдали. – Погнали!

И они опять погнали. Никакого голубя Пашка не видел, просто верил брату. По тропинке бежалось легче, чем по лугу, но Пашка всё равно быстро выдохся. Снова закололо в боку, сдавило грудь, а в глазах запрыгали тёмные мушки. Так что он даже не заметил, как брат остановился, и с разгону врезался в его спину.

– Ты... чего?..

– А вон, гляди.

Впереди была поляна, а на ней стоял домик – и очень странный! На четырёх высоких опорах, с плоской крышей и маленькими отверстиями под ней, похожими на вентиляцию. Голубая краска давно облупилась и висела хлопьями, открывая потемневшие доски.

– Избушка, избушка...

– ...Встань к лесу задом...

– ...Ко мне передом.

Вот опять они подумали одинаково, и сразу всё прояснилось. Домик ещё напоминал избушку Бабы-яги, но уже поменьше.

– Голубятня это, – сказал Пашка.

– Так он что, живёт здесь? Наш сапсан.

– Не сапсан, а сокол. Гданьский высоколётный. Или по-другому – турман.

– Ну, ты, энциклопедия «Сто один бесполезный факт о голубях», – пробурчал Макс, – лучше придумай, как забраться.

Выложенная камнем тропинка вела точно к голубятне. Макс легко побежал по ней, оглядел со всех сторон домик и доложил:

– Ни окон, ни дверей!

– Вообще-то, есть под крышей, – Пашка имел в виду птичьи летки.

– Ну, заберись в них, попробуй! – Для ясности Макс надул живот побольше.

Четыре ноги поднимали голубятню метра на два от земли. Тут захочешь – не достанешь, и даже лестницы нет.

– Должен же как-то взрослый человек туда попадать, зритель, – пробормотал Пашка.

– Давай прикинем, – предложил Макс. – Вот приспичило дяде Игорю залезть. Он что сделает?

Пашка представил себе долговязого дядю Игоря, снытинского пастуха.

– Да ему тут и лезть нечего, – ответил он. – Головой влетит... Погоди-ка!

Под голубятней рос высокий репейник. Пашка вломился в него, задрал голову. Над ним нависал тёмный дощатый пол голубятни, а в полу чётким контуром проступал люк.

– Так и знал.

Макс был уже тут как тут. Его белобрысая голова сунулась в кусты.

– Что, колоссально?

– Ага. Колоссально.

Пашка попытался улыбнуться – не получилось. Ему стало зябко. Больше всего на свете хотелось бежать прочь от этого места. Задышаться, мучиться, но бежать.

А Макс тем временем по-деловому изучал люк, что-то прикидывал.

– Значит, так, – сказал он. – Лезь ко мне на плечи. Я тебя подниму, заберёшься и подтянешь меня. Идёт?

Пашка помялся:

– Слушай, может, ну его, этого голубя? Вдруг там никого нет?

А сам с ужасом подумал: «Вдруг там кто-то есть?»

Макс посмотрел на брата с жалостью:

– Не в голубе же дело, ну.

– А в чём?

– Да в приключении! Сам же просил – а теперь? Тебе, что ли, не интересно посмотреть, как внутри?

Всё в Пашке завопило: «Нет! Не интересно!»

– Даже не знаю... – Он глянул на люк. – Мало ли что может случиться...

– Вот именно! – воскликнул Макс. – Давай забирайся.

Он присел, подставил брату плечи. Пашка ступил сначала на правое, потом на левое, а Макс крепко сжал его ноги и начал подниматься.

– Ну что, дотягиваешься?

Пашка кое-как выпрямился: коленки подгибались. Через силу, преодолевая себя, протянул руку. Коснулся тёмного, разбухшего от влаги дерева. Толкнул пальцами.

Ничего.

Он толкнул сильнее, но то ли крышка была слишком тяжёлой, то ли петли заржавели – поднять не получалось.

«Вот и хорошо», – подумал Пашка, а брату сказал:

– Тут заперто.

– Не может этого быть. Поднажми!

Спорить с Максом было бесполезно. Пашка вздохнул и поднажал. Потом ещё поднажал. И ещё. С третьей или четвёртой попытки тяжеленная крышка приподнялась с пронзительным скрипом.

– Вот, я ж говорил! – обрадовался Макс.

В нетерпении он переминался с ноги на ногу. От этих танцев Пашку начало трясти ещё больше, руки дрогнули, и крышка хлопнула, обсыпав его трухой и пылью. Пашка громко чихнул, и они вместе с Максом повалились на землю.

– Всё с тобой ясно. – Макс прыжком вскочил. – Сиди тогда здесь. Я за палкой.

Пашка даже сказать ничего не успел: заросли колючек сомкнулись за братом, и он остался один.

Время ползло медленно, как всегда бывает, когда ждёшь. Пашка весь извёлся. Он и в земле поковырял пальцем ноги, и камешки покидал в траву. В берёзовом лесу было тихо и пустынно, только вдалеке скрипел валежник. Наверное, это Макс выбирал палку покрепче.

Неужели так сложно найти в лесу палку?

Пашка покричал, но брат не отозвался.

Ещё немного посижу и уйду отсюда, решил он. Ещё пять минут, не больше.

От нечего делать он вытащил из кармана голубиное перо, чтобы рассмотреть получше. Перо было маховое, длинное и аккуратное. Белоснежное. Пашка взмахнул, чувствуя, как оно изгибается, сопротивляясь воздуху.

И тут новая странность привлекла его внимание. Медленно и нехотя Пашка поднял голову, уже догадываясь, что увидит.

Чёрная пасть открытого настежь люка зияла над ним. Из люка тянуло холодом и сыростью.

По спине поскакали мурашки. Он точно помнил, что так и не смог поднять дурацкую крышку весом, наверное, в тысячу тонн.

– Эй... Здесь кто-то есть? Простите, мы не знали... Я брата дождусь, и мы сразу уйдём, ладно?

Тишина. Только кукушка кукует вдалеке, да скрипят на ветру деревья, да воркует в голубяне невидимый голубь. Да шуршит, стучится перекладинами крепкая верёвочная лестница, спускаясь к его рукам.

2

За свои двенадцать лет, полных лекарств и предписаний врачей, Пашка от нечего делать прочёл много книг и твёрдо знал: невесть откуда взявшиеся лестницы к добру не ведут. А лестница тихонько раскачивалась, словно заманивала. Совершенно новая, как из магазина спорт-товаров: две белых канатных верёвки, между ними – гладкие ступеньки. Удивительно не подходила она старой облезлой голубятне. Пашка застыл, боясь коснуться перекладин. Как манок у рыбы-удильщика: только тронь – и...

– И чего ты ждёшь?

Пашка вскрикнул, отшатнулся.

Из люка на него глядела странная женщина. Лицо почти кукольное, совершенно белоснежное, только едва розовел маленький острый носик. Длинные ресницы, брови и волосы, тоже белые, напоминали пух. Если бы ещё глаза красные, получилась бы вылитый альбинос. Но они были жёлтые и круглые, как у птицы.

– Забирайся поскорей наверх, дитя, – сказала она.

Пашка завертел головой: вот-вот на поляне появится Макс, и тогда всё встанет на свои места. Не сосчитать, сколько раз он вытаскивал Пашку из беды. Заступался в школе и во дворе, даже дрался за него. Вовремя протягивал ингалятор. Подставлял плечо. Брал вину на себя. Ни разу не упрекнул его астму в переезде, хотя все старые друзья Макса остались в городе.

– Макс?... – позвал Пашка.

Нет ответа.

– Он очень ждёт тебя, – женщина из люка настойчиво поманила рукой, тоже белой, будто подёрнутой птичьим пухом. – Ему нужна твоя помощь.

– Кто ждёт? – только и успел спросить Пашка.

Невидимая сила дёрнула его и потащила наверх. Пашка не хотел, но схватился за перекладину. Не хотел, но сделал шаг, и другой, и третий. Всё выше и выше поднимался он по верёвочной лестнице, а лицо женщины становилось всё страннее. Птичьи глаза, нос словно клювик – да человек ли она?..

Вот её лицо уже совсем близко. Пашка зажмурился. Что-то толкнуло его в грудь. Вскрикнув, он полетел вниз, спиной на землю: сейчас как хлопнется со всего маху! Но время шло, а удара всё не было. Чёрный квадрат люка уменьшался и уменьшался, пока, наконец, не превратился в точку. Трава, наоборот, росла, как сумасшедшая. Гигантские стебли закрыли собой и люк, и голубятню, и белую женщину.

И тут Пашка понял, что трава вовсе не гигантская, а очень маленькая. И что не трава это вовсе, а мох. Сам он лежит животом на земле, на холодных камнях тропинки. А над ним воркуют голуби. Целая стая голубей.

Пашка приподнялся и огляделся. Всё тот же светлый берёзовый лес и никакой странной женщины-птицы. Похоже, он просто уснул, пока ждал Макса, да и выкатился на тропинку. Вот только голубятня... Пашка почувствовал, как волосы шевелятся у него на руках и даже на шее.

Голубятня была вроде та же: на сваях, с плоской крышей – но опрятная, краска свеженькая. А главное, голуби: сотни птиц разных пород и мастей налетели невесть откуда. Они облепили всю крышу, кружили над лесом, то и дело ныряли в летки и выглядывали из них. Их воркование и хлопанье крыльев оглушало. Такой огромной стаи Пашка не видел даже в городе.

«Макс заметит птиц и вернётся, заметит птиц и вернётся, заметит и...» – Пашка повторял это про себя, как заклинание. Но брат всё не появлялся.

Тогда он испугался, что Макс, наверное, просто бросил его на веки вечные. Прямо как взрослый.

Такое уже случалось. Например, когда папа забыл их с братом в супермаркете. Или когда всех детей из детсадовской группы уже разобрали, а они втроём с воспитательницей сидели и ждали хоть кого-нибудь из родителей. За окном быстро темнело, валил январский снег, воспитательница раздражённо смотрела на часы. И всё звонила и звонила – на один номер, на другой... Или вот как теперь делает мама: берёт и уходит, и не на работу, а просто куда подальше.

Если вечно забывать детей то там, то здесь, когда-нибудь они в самом деле пропадут. В их городской школе один мальчик так пропал. Родители совсем о нём забыли: живёт и живёт под боком, а чем живёт – неважно. Даже дневник не проверяли. А потом из школы сообщают: ваш сын уже три дня не появлялся. Родители в комнату к сыну – а он и дома не появлялся. Ну, беготня, конечно: полиция, волонтеры... Сняли с товарняка где-то на Дальнем Востоке. Он, вообще-то, в столицу ехал, направления просто перепутал.

Тут только Пашка понял, что впервые в жизни остался совсем один. То есть вообще один, прямо как тот мальчик в товарном вагоне где-то между Сибирью и Дальним Востоком. Ладно, без родителей – но без Макса... Как это вообще, без Макса?

Мягкая от птичьего пуха рука легла ему на плечо.

– Уйми своё горе, дитя. – Рука неловко погладила Пашку. – И пойдём со мной.

Он дёрнулся, но пальцы сжались, и вырваться он не смог. Тогда Пашка хмуро посмотрел на жуткую женщину. Жуткую, но красивую: волосы уложены в хохолок, платье и шлейф из настоящих перьев.

– Я никуда с вами не пойду, – сказал Пашка, хотя его голос дрожал. Первое правило забытого ребёнка: остерегаться подозрительных взрослых.

– Твой брат очень ждёт. – Длинные ногти кольнули кожу. – Ему нужна помощь. Я могу тебя провести, но только через свою голубятню.

Второе правило забытого ребёнка: остерегаться подозрительных взрослых, особенно если они обещают отвести тебя к родным или друзьям.

– Где Макс? Вы что-то сделали с ним?

Невдалеке трещал валежник, пронзительно кричали птицы. Вздохнув, странная женщина присела перед Пашкой. Из многочисленных складок платья она достала такой же белый платок и аккуратно вытерла Пашке лицо.

– Послушай, дитя. Сейчас я лишь проводник. Моя работа – привести тебя к Страннику, чтобы запустить процесс.

– Процесс?

– Это неизбежно. Всё уже началось. Из всех вероятностей та, где ты попадаешь в голубятню, самая удачная... Думаю, Странник объяснит лучше. Пойдём к нему.

Пашка не понимал, что она несёт. Кое-что поважнее привлекло его внимание. Треск и птичий гомон всё нарастали, послышались смех и весёлые голоса каких-то мальчишек.

Конечно! Макс просто встретил банду, и теперь они идут обратно!

Пашка рванулся, высвободился, наконец, – и побежал на голоса.

– Макс! – звал он. – Макс! Я здесь!

Он бежал как никогда, почти летел. Через поваленное дерево, сквозь колючий шиповник, паутину, ветки... Вслед ему хлопали тысячи крыльев, будто вся стая во главе с женщиной-птицей пустилась в погоню. Вот-вот настигнет, схватит когтистыми лапами!.. Обернёшься – и ты погиб. Поэтому Пашка не оборачивался.

Среди деревьев замаячили яркие шорты и загорелые спины. Наконец-то! Теперь все странности позади.

– Шурик! – закричал Пашка радостно.

Шурик из их деревенской банды и какой-то рыжий мальчишка остановились, с недоумением уставились на него. Макса нигде не было, но Пашка обрадовался и Шурику.

– Привет, – тяжело дыша, он привалился к берёзе. – Вы брата не видели? Мы тут... А он ушёл... Говорит: жди. Я ждал... ждал...

Шурик удивлённо молчал и как-то странно смотрел на Пашку. Как на чужака. Не протянул руки, даже не улыбнулся.

– Новенький, что ли? – спросил рыжий паренёк. Его самого Пашка впервые видел, хотя жил в деревне уже целых два месяца.

Рыжий и Шурик быстро обменялись какими-то условными жестами. Пашка наблюдал за ними, и в животе растекался липкий страх, а руки холодели.

Так бывает. Долго видишь одно привычное, на мелкие отличия не обращаешь внимания. Потом время проходит, отличия накапливаются – и в один прекрасный день перед тобой уже что-то совсем другое, чужое. Так случилось и с родителями. Однажды Пашка увидел, как сильно они изменились. Раньше всегда держались за руки, и смеялись, и танцевали на кухне, когда думали, что сыновья их не видят. А потом – постепенно, незаметно – всё встало с ног на голову. И вот они с мамой уже прячутся в глухой деревне и притворяются, что всё дело в Пашкиной астме.

Теперь Шурик. Макс сказал, он обгорел на затоне, и бабушка намазала его сметаной, а значит, там всё серьёзно.

Шурик, который сейчас стоял перед ним, скрестив на груди руки, был как из параллельной вселенной, похож и непохож: крепкий, поджарый, шуруется. Но главное – загар, ровный, золотой, будто он всю жизнь прожил где-нибудь в Геленджике или в Сочи.

Жутко стало Пашке, и сами собой покатались слёзы, но он их не заметил, пока Шурик не сказал:

– Первое: никаких слёз. Второе: ты идёшь с нами. И третье... – Он ухмыльнулся. – Пляши давай: отведём тебя домой.

Плясать он, конечно, не стал, но и сопротивляться было глупо. Идя через лес под конвоем мальчишек, Пашка старался убедить себя в том, что это просто такая игра. Игра, которую придумал Макс. Игра, которая уже началась, а его решили втянуть с бухты-барахты, чтоб интересней было. Ну, конечно! Пашка даже сам себе поверил и на радостях ткнул Шурика в бок:

– Классно вы прикидываетесь! Я почти повёлся.

Шурик не растерялся и тоже ткнул Пашку – да не по-дружески, а с силой, под рёбра, аж дыхание перехватило.

– В следующий раз – в зубы, понял? – холодно сказал он.

И Пашка понял. Вообще всё понял, сразу. Только отказывался в это верить.

Лес закончился пологим склоном, а за ним растянулся луг. Как будто тот же самый, по которому они бежали с Максом. Цветы и метёлки трав качались на ветру, в них стрекотали кузнечики. В небе над лугом носились какие-то птицы, а за ними, размахивая палками, бегали мальчишки. Пашка знать их не знал, никого. Но это ещё ладно, они с Максом сами новенькие в деревне. Удивляло другое: откуда здесь столько детей? И почему одни пацаны?

В их снытинской банде было семь человек. Шурик, Вика, её младшая сестра Ленка, а ещё Глеб и Юлька, тоже родственники, они прикатывали на велике из соседней деревни Бычки. До появления близнецов снытинская банда состояла из пятерых. Пять человек, вообще-то, идеальная малая группа, Пашка читал об этом. А на большую группу и рассчитывать нечего. В Бычках, например, кроме Глеба и Юльки, вообще нет детей.

А тут как будто привезли в глушь целых два класса из городской школы. Или даже из кадетского училища: туда как раз девчонок не берут. Теперь они одичали и гоняют птиц в пустом поле. Впрочем, не совсем пустом.

Больше бесхозных детей поражало только дерево, в тени которого они резвились. На лугу, в отдалении от леса, росла одинокая раскидистая ива. Ива была огромной. Нет, гигантской! Таких и в природе-то не существует, не то что в их деревеньке. Ствол был как целый подь-

езд многоэтажки, а ветви уходили на такую высоту, что у Пашки слегка закружилась голова. Хотя, может, она от всего сразу закружилась.

Пашка медленно сел на землю. Шурик и рыжий парнишка остановились не то видом полюбоваться, не то дать Пашке время.

– Наша Одинокая ива, – представил рыжий.

– Какой-то «Питер Пэн», – пробормотал Пашка. – Колоссально. Ещё скажите, что живёте на дереве.

– Не, – протянул рыжий. – Только Шурик живёт наверху, остальные у озера. Кстати, я Рыжий. – Пашка пожал Рыжему руку. – А с этим ты и так, похоже, знаком.

Шурик сделал вид, что не услышал.

– А ты почему наверху живёшь? – спросил его Пашка, будто всё остальное его не удивляло.

– Тонуть не люблю, – отрезал Шурик. Ясно было, что больше он ничего не скажет. Пашка сделал вид, что ему и неинтересно.

– А там что, среди веток?

На вершине Одинокой ивы темнело нечто, похожее на громадное гнездо.

– Скоро сам узнаешь. – Шурик недобро ухмыльнулся. – Ты как, дохляк, лазать-то умеешь?

Ещё сыщик Шерлок Холмс говорил: «Отбросьте всё невозможное, и то, что останется, будет ответом, каким бы невероятным он ни казался». Пашка отбросил, и остаток ему совсем не понравился.

Невозможно, чтобы Шурик был таким грубым, даже понарошку: он парень добродушный. Невозможно за один день так здорово загореть и вообще измениться. Невозможно найти в их деревне столько детей и взрослую тётку, которая согласилась бы стать ведьмой из голубятни. И уж совсем невозможно вот это огромное дерево, на которое Пашка лез, кряхтя и сдирая ладони.

– Ну, давай, не тормози, – подгонял Шурик. Сам он карабкался ловко, прямо как Спайдермен. А Пашка с непривычки быстро выдохся. Руки, в жизни не поднимавшие ничего, тяжелее книги, дрожали.

– Отстань ты от человека, – заступался Рыжий. – В его вселенной это, может быть, предел скорости!

– А человек ли он? – философствовал Боба. – Вдруг он улитка? Или черепаха.

Высокого и плотного Бобу они встретили у подножия дерева, и Рыжий зачем-то позвал его за компанию.

– Черепахи знаешь, как носятся! Им просто нужен повод, – спорил Рыжий.

– Значит, и новенькому нужен повод. Эй, новенький, представь, что под тобою лава, – предложил Боба.

«Пол – это лава», – обожгло воспоминанием.

– А как же канатные дороги, тарзанки – вот это всё? – спросил Пашка, когда, наконец, смог говорить.

Они сидели на широкой, как дорога, ветке, всего лишь второй от земли. Шурик разрешил передохнуть, и Пашка просто лежал, раскинув гудящие руки в стороны. Дерево грело спину.

– У нас особо не заморачиваются, – пояснил Боба. – Это ж строить надо, а его Мальчишество только игры любит.

– Его Мальчишество? – Пашка приподнялся. – Это ещё кто?

– Не сказали, да? – Боба посмотрел на Шурика. Шурик помотал головой, и Боба замолчал.

– Ну, чего вы? Скажите! – попросил Пашка. – Это ваш король? – Внезапно блеснула надежда: – Это Макс, да? Макс же, да?! Ну, вы вообще даёте! Я уже реально поверил, что в

другой мир попал! Полное включение! Колоссально! Чего раньше не показали такое крутое дерево? Шурик, ну всё, стань на секундочку обычным, скажи честно!

Рыжий и Боба переглянулись и покатались со смеху. А Шурик смотрел на Пашку внимательно и как-то с жалостью. Он сказал:

– Ладно, так и быть. Признаюсь. Если честно... – Он подержал мучительную паузу. – Тут есть лестница.

Рыжий и Боба снова покатались. Даже Шурик не удержался: уголки его губ дрогнули, поползли в стороны.

Мальчишки смеялись, и Пашка ясно видел: нет, эти не снытинские, они чужие. И совсем ему не друзья. А хуже всего то, что Макса нигде нет.

3

К вершине Пашка так вымотался, что еле держался на ногах, хотя ребята и повели его по «лестнице» из плоских древесных грибов. Наверху ветер дул сильнее, раскачивал ветви. Вместе с ними раскачивались и мальчишки, будто на палубе корабля.

– Вот поэтому все живут внизу, – сказал Рыжий. – Ну, кроме Шурика.

Пашка забился в развилку ветвей и там переводил дух, стараясь не смотреть вниз. Вместо этого он разглядывал нечто огромное и шарообразное, свитое из ивовых прутьев. И впрямь, будто гнездо. Вблизи оно больше напоминало улей или домик птицы пеночки – очень большой пеночки, размером с носорога.

Боба сорвал лист ивы, поднёс к губам и пронзительно защёлкал. От этого звука Пашку замутило ещё сильнее.

– Боба у нас человек искусства, – похвалил Рыжий.

– Зачем мы вообще сюда лезли? – простонал Пашка.

– Тихо! – шикнул Рыжий.

Боба ещё какое-то время пострекотал на листе, потом затих, и все прислушались.

– Думаю, можно, – решил Шурик. – Пошли, новичок.

И он полез прямо к гнезду. Пашка медлил. Гнездо его очень пугало, особенно этот тёмный лаз, в котором непонятно кто спрятался и наверняка следит за ними. Прямо как открытый люк в голубятне.

– Опять лезть... Зачем?

Шурик вернулся, молча схватил Пашку за руку и с неожиданной силой выдернул из развилки. Он потащил его за собой, как маленького, по дрожащей ветке к гнезду. Рыжий шёл позади, будто провожая, но на самом деле отрезая Пашке путь к бегству. Справа и слева зияла пропасть, шумело зелёное море листвы.

– Да ты не бойся, – подбодрил Рыжий. – Тебе понравится.

«Нет, не понравится», – подумал Пашка, ныряя в тёмный лаз.

Боба и Рыжий остались снаружи.

Шурик протасил Пашку по недолгому тоннелю, и они очутились внутри гнезда. Скруглённые стены, сложенные из веток, уходили высоко вверх, потолок терялся в темноте. Оттого гнездо казалось просторным, хоть и было завалено всяким сорочьим хламом. Пашка увидел обрывки рыбацких сетей, спасательный круг, блестящие лазерные диски, шестерёнки и банки из-под газировки, рваных воздушных змеев, гнутые дорожные знаки, даже мотоциклетный шлем. С потолка на лесках свисала всякая мелочёвка: поплавки, монетки, снова шестерёнки и диски, гайки, металлические внутренности неизвестного Пашке аппарата, чьи-то перья, мотки кассетной плёнки. Над всем этим витал странный сладковатый запах, от которого Пашку немного замутило.

– Ну и помойка, – пробормотал он, особенно ни к кому не обращаясь. Очень хотелось выйти на свежий воздух.

– Эй! – воскликнул кто-то. – Вообще-то, это королевские покои, а не помойка.

Пашка взгляделся в полумрак. Там, в куче соломы, сидел паренёк с блестящими глазами и тонкой бледной кожей. На нём были только шорты и старое полотенце, завязанное двумя концами на шее. Паренёк вертел в пальцах пластиковую трубочку, подбородок ходил вверх-вниз, будто что-то пережёвывая.

– Ваше Мальчишество, – Шурик вдруг бухнулся на одно колено, как в каком-то рыцарском кино. Пашка остался стоять.

Его Мальчишество дунул в трубочку, и шарик жёванной бумаги прилетел Пашке в лоб. Одновременно Шурик дёрнул его за руку вниз – видимо, для коленопреклонения. Но Пашка

вырвался и шагнул к пареньку, вглядываясь в его лицо. Он всё ещё немного надеялся: вдруг это Макс?

Но то был вовсе не Макс.

Ухмыляясь, мусоля новый снаряд, в гнезде на вершине громадной ивы жил самый обыкновенный ребёнок – только вот похожий на Пашку один в один.

«Так и знал, что не понравится», – подумал Пашка.

– Мой король, – сказал Шурик, – вот ещё одного нашли у Связующей голубятни. Говорит, потерял брата.

– Новичок, значит, – его Мальчишество с лицом Пашки склонил голову набок, разглядывая гостя, как неведомого зверька. – А звать?

Пашка просипел своё имя. Горло сдавило, как перед приступом, дурнота накатывала волнами. Только этого не хватало.

Сколько же раз он жалел, что не похож на Макса ни капельки!.. Есть ведь одинаковые близнецы. А они с Максом были совсем разные. Макс светловолосый, выше и крепче, с веснушками и ровными, уже коренными зубами. А у Пашки и с ростом как-то не задалось, и с упитанностью, и зубы плохо менялись. Только и было в нём, что огромные глаза на пол-лица да густые тёмные волосы, которые росли, как бешеные. Будто всё, что он съедал, уходило в шевелюру.

Теперь Пашка понял, каково это, когда на двоих одно лицо. Это как смотреть на себя же со стороны, будто вышел из тела. Ощущения с непривычки – просто жуть.

Король сплюнул бумагу, подошёл и положил руку ему на плечо. Пашка едва не задохнулся от сладкой тошнотворной вони, исходившей от его двойника, но старался не подавать вида.

– Добро пожаловать в Долину Потерянных – и в моё королевство, – сказал король. – Тут все кого-то потеряли: братьев, родителей, друзей. Вернее, сами потерялись и попали сюда. Вот как все эти вещи кругом. – Он широким жестом окинул комнату. – Теперь и ты один из потерянных. Привыкай.

– Неправда, – возразил Пашка, – я не терялся.

– Уверен, что терялся, – король зевнул и побрёл обратно к своей соломе. Дышать стало чуточку легче. – Осваивайся, потом покажешь новую игру.

– Чего? – не понял Пашка.

Его Мальчишество посмотрел на Пашку, как на дурака:

– Как же с вами, новичками, тяжело... Игру! Новую игру. Во что играют в твоём мире? И повеселее.

Король небрежно махнул рукой, как делают все короли, когда теряют интерес к посетителям. Шурик тут же потянул Пашку к выходу. Напоследок Пашка обернулся, но разглядеть короля не смог. Только тихонько шуршало что-то да щёлкало в полумраке.

Когда, наконец, они вылезли из гнезда, все в какой-то древесной трухе и ветках, Рыжий аж налетел на них:

– Ну как, ну как?! – подпрыгивал он. – Не ожидал, да? Испугался?

– Да сядь ты, не маячь, – сказал Шурик. – Дай ему очухаться.

– Сейчас всё будет, – пообещал Боба и стал отгибать пальцы. – Три, два, один...

Пашка глотнул свежего воздуха и выпалил:

– Почему у него моё лицо?!

– Почему у него моё лицо?! – заверещал Рыжий, хлопая себя по щекам. – Он украл моё лицо, украл лицо!

Рыжий паясничал, а Шурик и Боба смеялись. Пашка вдруг взорвался:

– Да вы достали ржать надо мной! – Что было сил, он толкнул Рыжего, так что тот чуть не свалился с ветки. Шурик едва успел его поймать.

– Эй, новичок, – предостерёг он, – полегче. Не на дереве.

Боба примирительно вскинул руки:

– Ладно тебе. Рыжий больше не будет. Не будешь же?

– Не буду, – отозвался Рыжий. Настроение у него уже было не такое праздничное. – Минут двадцать точно, а там подумаю.

Но Пашке было плевать на Рыжего. Он смотрел только на Шурика.

– Прекрати называть меня новичком. Я думал, ты мой друг. А ты вообще другой, только рожа похожая! Двойник. И этот король ваш – двойник. Мой двойник. И Макса нет. И я не терялся! Не терялся. Макс просто ушёл за палкой, чтобы открыть голубятню, а она сама открылась, и эта тётка, вся в белом, толкнула меня, а потом...

Пашка отвернулся, чтобы никто не видел, как он ревёт. Мальчишки молчали, и шмыгать носом под их молчание было совсем позорно.

– Послушай, – осторожно начал Шурик, – если Белая дама вытолкнула тебя сюда, значит, ты реально потерялся. Проверено: со всеми так было. Ничего не поделаешь, это как закон природы. Белая дама, тётка из голубятни, как ты сказал, она тащит только тех, кто остался совсем один.

– Кто плохо лежит, – вставил Рыжий, но Боба шикнул на него.

– Сам прикинь, – продолжал Шурик. – Друзья, наверное, не такие уж и друзья. Твой Макс свалил по своим делам. Родителям, видимо, тоже ровно. Ну, теперь мы твоя семья.

Насчёт снытинских друзей Пашка легко согласился – в конце концов, они знакомы всего ничего. Родители всегда были заняты взрослыми делами да ещё выяснением отношений, о сыновьях вспоминали время от времени – видимо, когда становилось совсем скучно. А после бегства в деревню мама только и делает, что в одиночестве шатается по округе, будто закрылась внутри себя на десять замков.

Но Макс свалил по своим делам?.. Разве могло такое случиться? Всю жизнь Пашка думал: даже если мир рухнет, они с братом всё равно будут держаться вместе. Получается, ошибался?

– Да ты не грусти, с нами не пропадёшь, – Рыжий поддел Пашку локтем. – Придумаешь новую игру – и ещё надолго хватит.

– Что Шурик на друга твоего похож – это, конечно, любопытно, – Боба почесал нос. – Вероятность такого крайне мала, но всё же...

– Мы ж все из разных миров, – пояснил Рыжий.

– Кстати, – вдруг сказал Шурик. – А ты мне тоже кого-то напоминаешь. Только не могу вспомнить.

Рыжий и Боба как-то осуждающе посмотрели на него. А Пашке вдруг стало смешно:

– Так понятно кого: этого, Мальчишество ваше... Да что я опять сказал?

Рыжий подавился смехом:

– Ой, даёт! Обожаю водить новичков к королю.

– Помните, как Шурик чуть с дерева не слетел от счастья? – сказал Боба. – Всё кричал: «Я брат-близнец короля!»

Пашка осознавал пару секунд.

– То есть...

– Ага, ага, соображай, – похвалил Боба.

– То есть каждый из нас видит в его Мальчишестве себя! – воскликнул Рыжий. – Правда, здорово? Мы как будто сами тут короли. Все мы. – Рыжий положил на Пашкино плечо руку, совсем как король. – Теперь и ты тоже. Привыкай.

Все засмеялись – и даже Пашка чуточку улыбнулся.

Он уже как будто привыкал.

Потом Боба заявил, что у него, вообще-то, важные дела внизу. Рыжий сказал, что пойдёт с ним, потому что здесь всё самое весёлое уже кончилось. Не прощаясь, один за другим они нырнули в густую листву и пропали. С Пашкой остался только Шурик.

– Ну что, – сказал он, – показать тебе остальное, или устал уже?

Тут только Пашка понял: он устал настолько, что даже думать не может об экскурсии по дереву. Но и торчать рядом с гнездом короля было немного жутко.

– Ты вроде говорил, что живёшь где-то здесь, – вспомнил Пашка.

Шурик замялся, отвёл взгляд. Нехотя ответил:

– Ну да, неподалёку. Хочешь в гости? Прямо сейчас?

Пашка собрал всю свою уверенность и сказал, что очень хочет. Шурик вздохнул. Кивнул.

Слезать с дерева оказалась ещё сложнее, чем забираться. Пашка всякий раз долго примеривался, прежде чем опустить ногу. Шурик шёл первым и снизу руководил его действиями:

– Левее, левее целься... Да ставь, выдержит!

– А пацаны вот ловко слезали, – пыхтел Пашка.

– Дело наживное, – отвечал Шурик.

Пашка прикинул, сколько ему потребуется времени, чтобы нажать такое, и приуныл. Он уже содрал и коленки, и ладони, и даже живот, а плечи вспухли и онемели от усталости.

– Почти пришли, – подбодрил Шурик.

Пашка кое-как слез с очередной ветки на широкий и плоский древесный гриб. А Шурик уже выглядывал из небольшого дупла, которое Пашка не заметил при подъёме.

– Нам что, туда?

Вместо ответа Шурик просто скрылся в дереве. Пашка колебался. На гнездо короля дупло не очень походило, но темнота внутри настораживала.

– Ну, где ты там? – позвало дупло голосом Шурика.

Пашка вздрогнул:

– Снова-здорово, – и сунул в расщелину ногу, потом голову с плечами, а затем подтянул и остальное. Ссаживая кожу на ногах, сложившись почти пополам, протиснулся в лазейку, удивляясь, как это делает Шурик.

Вскоре стало просторнее, и Пашка выпрямился. Он шёл практически на ощупь в крошечной темноте. Босые ноги утопали во мхе, мягком и прохладном. Ладони касались шершавых тёплых стен. Пахло деревом, прелым листом и едва уловимо – чем-то сладким, как в гнезде короля, но не так душливо.

– Ты что, здесь живёшь? – громко спросил Пашка.

– Это прихожка, – раздалось впереди. – Нам ещё ниже.

Пашка пошёл на голос и вскоре нащупал несколько наростов, похожих на древесные грибы.

– О, и здесь чага!

– Чага? – удивились внизу.

– Гриб такой, растёт обычно на деревьях. А тут – внутри.

– Вот ты зануда... По мне, так это лестница, и очень удобная. Спускайся.

И Пашка стал спускаться по грибной лестнице. Оказалось, действительно очень удобно.

– Вот, здесь я живу.

В комнате было достаточно светло, чтобы Пашка увидел, как смутился Шурик и стал вытряхивать из волос несуществующую труху.

Пашка огляделся, коснулся стен: никакого мха и грибов, только сухое тёплое дерево. Из мелких трещинок в коре пробивались лучи солнца, в них танцевала пыль. А все стены, пол, даже потолок были расписаны узорами: какие-то спирали и волны.

– Колоссально! – выдохнул Пашка. – Сам рисовал?

– Ну, так, – замялся Шурик, – от скуки. Да не очень хорошо...

– Да очень хорошо! У тебя талант. А животных, людей рисуешь?

– Не знаю, не пробовал. – Шурик совсем смутился. – Просто эти узоры... Знаешь, наверное, единственное, что помню из прошлой жизни. Стоят перед глазами, и всё. Решил нарисовать... Да ты падай.

Шурик первый сел в гору сухой травы – видимо, здесь он и спал. Пашка последовал за ним и почти утонул в стогу. От него пахло деревней, летом, земляникой. Мамой. В глазах защипало, и Пашка притворился, что разглядывает узор на потолке. Спросил как можно более ровным голосом:

– Значит, кроме них, совсем ничего?

– Ну вот, тебя вспомнил. Когда ты появился в лесу и заговорил со мной, будто мы знакомы, – вот тогда. Я подумал... – Шурик умолк, слышно было только его дыхание.

– Что?

– Подумал, если вдруг мы из одного мира... Ты расскажешь мне всё о нём, пока помнишь. И тогда я тоже... Вот эти узоры – видел такие раньше?

Пашка честно попытался вспомнить. Но волны и спирали – это же ничего особенного. Они встречаются много где, особенно в энциклопедиях про древние цивилизации. А вот чтоб в посёлке и такие узоры – вряд ли. Так он и объяснил Шурику.

– Жалко. Может, мне показалось, – сказал тот, не поясняя, что именно показалось.

– А ты вообще давно здесь живёшь? – спросил Пашка, чтобы как-то сменить тему.

– В Королевстве или в Долине? – странно уточнил Шурик.

– Ну, допустим, в Долине.

– Просто я появился, уже когда возникло наше Королевство. Мы с тех пор новичков двадцать встретили. А до Королевства, говорят, поселение было: деревянные дома, колодцы, телеги, всё такое. Взрослые с семьями. Они и встречали новичков, растили их, как своих детей. Пацаны, девчонки – все потерянные вместе жили, по-настоящему. Тоже выросли, тоже заводили семьи, встречали следующих новичков, а если захочется – могли уйти в какой-нибудь другой мир. Белая дама их выпускала.

– А потом появился король и всё испортил?

Шурик пожал плечами:

– По мне, так он всегда тут был. А эта деревенская история, – он помахал в воздухе рукой, – просто местная легенда. Хоть и красивая.

Пашка вспомнил ветхие пустые избы на краю луга, мимо которых они с Максом пробежали, преследуя голубя. Он хотел было рассказать о них, но не стал. Может быть, ему тоже показалось. Он уже ни в чём не был уверен. В истории Шурика многое тревожило, и Пашка не мог понять, что ему не нравится больше.

– И взрослых тут никогда не было?

– Не было.

– Всегда только дети?

– Ага.

– Которые не росли?

На это Шурик ничего не сказал. В молчании они пролежали какое-то время. Трава укутывала Пашку лучше всякого одеяла, сверху наваливалась усталость, да такая, что языком ворочать не хотелось – вот он и молчал. Когда он почти уснул, Шурик вдруг сказал невпопад:

– Кому-то, наверное, без девчонок грустно, вот и выдумали сказку...

– А кстати, – пробормотал Пашка сонно, – это странно, что здесь одни только пацаны. Даже у нас в деревне... Юлька, Ленка...

Шурик хмыкнул:

– Не знаю, как для тебя, а для меня как раз нормально: девочки отдельно, мальчики отдельно. Может, где-то неподалёку растёт девчочковое дерево с девчочковой королевой, просто

мы его пока не нашли. Или у потерянных девочек вообще другой мир, в который они попадают, например, через платяной шкаф или садовую калитку. Я не удивлюсь... Эй, ты спишь, что ли?

Да, Пашка уже крепко спал под шелест ветра в ветвях ивы.

4

Кто-то тряс его за ногу. С перепугу Пашка брыкнулся, попал в мягкое. На него зашипели:

– Да вставай же! Всё проспидишь! – и затрясли сильнее.

– Макс, – пробормотал Пашка, – если ты снова устроил войнушку, давай, тут будет военный госпиталь, а я самый тяжелобольной в мире человек, идёт?..

– Новичок, ты что, заболел?

Пашка заставил себя проснуться и сесть. Зашуршала сухая колкая трава. Из сумрака на него смотрело знакомое лицо: Шурик.

– А, – протянул Пашка. – Это ты.

– И тебе доброго утра.

– А уже утро? – Пашка протёр глаза.

– Ещё вечер, – сказал Шурик. – Ты часа три подрых, я и так до последнего не будил. Но внизу все давно собрались. – Он снова взялся за Пашкину ногу. – Давай вставай, одного тебя ждут.

– Да встаю, встаю, – Пашка выбрался из травы, отряхнул одежду и волосы. – Что, и Мальчишество ждёт?

– Он больше всех! Так ты игру придумал?

– Нет! Я же спал!

– Значит, на ходу соображай.

И Шурик бесцеремонно и совсем негостеприимно потащил его на выход.

Поспевая за Шуриком, Пашка панически соображал на ходу. Во что вообще играют дети? Энциклопедии про детские игры ему ни разу не попадались. Вот кто смог бы, не задумываясь, назвать штук сто всяких игр, так это Макс: и с мячом, и с догонялками, и с прыжками, и с прятками. А если подкинуть ему историю из книжки, то ещё миллион выдаст.

Пашка думал о новой игре, пока поднимался по грибной лестнице, преодолевая ноющую боль в руках.

– «Казачьи-разбойники» знаете?

– Конечно, знаем.

– Вышибалы?

– Ага.

Думал, пока они, выбравшись из дупла, ещё долго прыгали по винтовому спуску.

– «Цепи кованые»?

– Пф-ф...

– «Штандер»?

– Ну, это как вышибалы.

Думал, когда они оказались, наконец, в самом низу, на гигантских корнях ивы, и Шурик помогал ему перебираться через них.

– «Самжэ»?

– Сам ты Жэ... Знаем!

Думал, пока они гуськом шли по толстому, узловатому корню.

– А в футбол играли?

– И в футбол, и в волейбол, и в баскетбол, и даже в лапту. Неужели ничего поинтереснее нет?

Вечерело. Солнце садилось за дальний тёмный лес, и казалось, будто он объят огнём. Почти полная луна наступала солнцу на пятки. Среди корней Одиноким ивы в отсветах заката блеснуло небольшое озеро. В нём плавало с десяток мальчишек. Они притапливали друг друга,

брызгались и хохотали. Ещё больше собралось на песчаном бережку разношёрстной весёлой толпой.

Завидев их с Шуриком, мальчишки взорвались овациями, радостными выкриками, свистом. А Пашка готов был провалиться на месте. Вся эта толпа ждала от новичка свеженькой игры, а в голове у него свистел ветер. Ещё и Шурик как-то незаметно исчез, оставив его один на один с королём.

Его Мальчишество стоял на самом массивном корне. Выглядел он всё так же: вылитый Пашка, только при полном параде. Пашка видел самого себя, разодетого в нелепые оранжевые шорты, ожерелье из пуговиц и красный дождевик вместо мантии. Только корона, сплетённая из ивовых ветвей, выглядела на своём месте. Казалось, она растёт прямо из головы короля. Пашка невольно потянулся к собственной макушке, но никаких веток не обнаружил.

Его Мальчишество крепко обнял Пашку за плечи, обдав волной сладкого запаха, – и Долина возликовала. Король благостно махал своим подданным, а Пашке зудел в самое ухо:

– Улыбайся, улыбайся же. Помашки им.

И Пашка улыбался и махал. Рука короля до боли стискивала его, но Пашка не обращал на это внимания. Больше всего он боялся той минуты, когда ему, наконец, придётся что-то сказать толпе внизу.

Оглушительный свист раздался вдруг над самым его ухом. Король свистел прямо через зубы долго-долго, пока все не уgomонились. Над озером повисло живое, нетерпеливое молчание. Король выступил вперёд и заговорил – негромко, но так, чтобы слышали все:

– Сегодня мы приветствуем новичка. Пашка – ещё один потерянный. Его, как и всех нас когда-то, оставили совсем одного, бросили на произвол судьбы, – король говорил как по писаному. – А потом явилась Белая дама и выкрала из родного мира.

По толпе пронёсся неодобрительный гул.

– Знаю-знаю. Мы все её очень любим, – король обратился к Пашке. – Если бы не Белая дама, возможно, твой брат вернулся бы за тобой.

– Обязательно вернулся, – поправил Пашка.

– Обязательно, – согласился король и вновь возвысил голос. – Но теперь уже не вернётся! Нет, теперь Пашка в другом мире. В Долине Потерянных. Но знаете, что я вам скажу?

Все затаили дыхание.

– Теперь Пашка один из нас! – воскликнул король.

– Один из нас! Один из нас! – грянули хором мальчишки. В воздух взлетали кулаки.

– И мы все вместе отлично повеселимся! Белой даме назло!

– Назло! Назло!

– И пусть она лопнет от зависти!

– Лопнет, лопнет!

– Ну что, новичок, какой игрой поделишься?

Момент настал. Король хлопнул Пашку по спине, и тот на ватных ногах вышел к жителям Долины. Все они были разного возраста, из разных миров, но одинаково потерянные, одичавшие.

Они затаили дыхание. Десятки глаз жадно впились в новичка. Это было в двадцать раз хуже, чем отвечать в классе у доски, в десять раз хуже, чем выступать на школьном вечере, и где-то в пять раз хуже, чем стоять в одних трусах перед врачами, когда у них консилиум, то есть совещание насчёт пациента. У Пашки затряслись коленки, во рту пересохло.

– Я... – проблеял Пашка. Голос срывался. – На самом деле я мало игр знаю, но...

По толпе пронёслось разочарование:

– Ну вот!

– И толку?..

– Бесполезный какой-то.

Пашка набрал в грудь побольше воздуха и выпалил, особо не рассуждая:

– Но можно придумать что-то новое, всем вместе! Мы с Максом, моим братом, всегда так делали. Просто придумывали. Можно устроить охоту за сокровищами, или соревнования, или... или... – Внезапная мысль увлекла его: – Или захватим Связующую голубятню и потребуем у Белой дамы, чтобы вернула нас всех домой! А? Как вам игра?

– Да!

Дружное ликование оглушило Пашку. Младшие прыгали на месте и обнимались, старшие потрясали в воздухе кулаками и свистели. Первые ряды протянули к Пашке руки, и он стал пожимать одну за другой.

– Качай его! Качай!

Пашку стащили с возвышения, десятки рук подхватили его и стали качать, даже немного подбрасывать вверх. Взлетая, Пашка хохотал от восторга и приятной щекотки в животе.

– Вот это игра! Вот это Пашка! – Король сдержанно аплодировал. – Верните же, верните мне его.

Волна мальчишеских рук вынесла Пашку обратно на ивовый корень, и король крепко обнял его.

– Только, – жестом он попросил тишины, – можно же ещё лучше.

Снова все наострили уши. У многих был изумлённый вид: куда уж лучше?

– Вот что мы сделаем. – Король расплылся в широкой улыбке. – Мы разрушим Связующую голубятню. До основания. Сотрём её в пыль. И свергнем Белую даму! Чтобы она! Больше никогда! Не крала! Детей! Кто со мной?!

– Да!

Конечно же, все были с королём. Восторг, неистовое безумство, настоящая буря перед битвой. Король купался в лучах славы.

Пашка замер в сторонке. Ужас оттого, какую кашу он заварил, медленно сдавливал голову. Взглядом он пытался отыскать в беснующейся толпе Рыжего или Шурика, но не мог, никак не мог.

– А теперь – пир! – объявил король.

С места он сиганул в озеро, вынырнул, отфыркиваясь, и поплыл под ивовые корни. Кто-то сдёрнул Пашку за ногу, и тот ушёл на дно солдатиком. Вода в озере оказалась холодной и чистой: откуда-то из-под земли били студёные ключи. Ступни коснулись мягкого песчаного дна, оттолкнулись – и Пашка вынырнул под ночное небо.

Мимо проплывали другие ребята, их лица едва угадывались в свете луны. Одни гребли как попало, вспенивая вокруг себя воду и брызгаясь, другие рассекали, словно рыбы, без лишнего плеска. Пашка поплыл вместе со всеми.

Озеро уходило глубоко под иву. Воздушные корни дерева нависли над Пашкой, словно скопище гигантских змей.

Свет луны почти не проникал сюда, и Пашка плыл медленно, на ощупь, огибая в темноте корни. Каждый такой был в объёме как обычное дерево. Будто плывёшь по затопленному лесу. Если не перекличка мальчишек, он бы точно заблудился.

Чем дальше заплывал Пашка, тем светлее становилось. Наконец, он оказался в просторном гроте. Сладкий запах витал и здесь, но, рассеянный в воздухе, казался почти приятным. Над озером мерцали мириады светлячков, их свет отражался в воде. Светлячки были буквально повсюду, и жёлтых огоньков хватало, чтобы увидеть: именно здесь, под Одиноким ивой, и жили мальчишки.

Среди корней на толстых стеблях покачивались большие шары, похожие на губки. Выглядели они обжитыми: одни изрезаны узорами, другие украшены всяким барахлом или причудливыми плетёнками из прутьев. Некоторые шары светились изнутри: светлячки каким-то образом проникали внутрь, хотя ни окон, ни дверей Пашка не видел.

Значит, вот какие тут дома.

Впереди виднелось нечто вроде площади: огромный валун покоился в озере, оплетённый корнями, а его плоская вершина возвышалась над водой. Первые добравшиеся до валуна уже вытряхивали из ушей воду и рассаживались в круг.

Совсем обессиленный, доплыл, наконец, и Пашка. Задышавшись, тоже выбрался на камень, помог какому-то мальчишке помладше. Вода стекала с него ручьями. Пашка упал в озеро прямо в одежде, остальные мальчишки были в трусах, редко в шортах. Пашка снял футболку, разложил сушиться на камне, а шорты просто отжал на себе.

Его появление уже заметили:

– А вот и он! Вот и Пашка!

Новость, что Пашка доплыл и не умер по дороге, понеслась от одного к другому. Ему улыбались, махали руками, малыши подпрыгивали, привлекая внимание.

На каменном островке становилось тесновато. Мальчишки боролись за места поудобнее, передавали друг другу угощение, гомонили и смеялись. Пашка увидел, как отчаянно сигналил ему из круга Рыжий. Быстренько расчистив для новичка место, Рыжий усадил его рядом с собой и сунул в руки какой-то клубень, похожий на обыкновенную картошку, только оранжевую. Сказал:

– Ешь, это очень вкусно.

Пашка вдруг понял, как сильно проголодался. Он бы сейчас какой угодно картошке обрадовался, но всё-таки спросил:

– Вы что, выращиваете её?

Рыжий засмеялся:

– Да ну, скажешь! Само растёт, на корнях.

– Картошка растёт на корнях?

– Ага. Всегда росла, – Рыжий пожал плечами. – Она сладкая, попробуй! В твоём мире такого и нет, поди. А здесь настоящее Сладкое королевство.

Пашка заметил, что все с интересом смотрят на него. Тогда он – была не была! – откусил кусочек, пожевал. И впрямь Сладкое королевство: на вкус клубень был как шоколад вперемешку с бананом.

– Один из нас, один из нас! – вдруг загремели мальчишки, хлопая в такт, будто Пашка прошёл какое-то посвящение. Пашка вымученно улыбнулся и откусил ещё кусочек, но доесть так и не смог. От сладкого уже тошнило: здесь повсюду пахло, как в конфетной лавке.

По кругу пустили гигантскую скорлупу, полную чистой питьевой воды, каждый делал из чаши плоток и передавал дальше. Когда скорлупа дошла до Пашки, он смог, наконец, запить приторный вкус. Он так долго пил, что Рыжий отобрал у него чашу:

– Полегче, водохлёб! Другим оставь.

Под корнями Одинокой ивы было тепло, и шорты на Пашке очень скоро высохли. Мальчишки травили байки, хвастались, смеялись и спорили. У их лиц сновали светлячки, путались в волосах, садились то на руку, то на коленку. Боба играл на дудочке, кто-то подпевал, и грустный незатейливый мотив тянулся над водой. Где Пашка слышал его?.. Никак не удавалось вспомнить.

Кое-что ещё казалось странным: среди собравшихся не было короля, хотя Пашка прекрасно помнил, как тот первым прыгнул в озеро и поплыл под иву. А ему вдруг остро захотелось увидеть его Мальчишество. Тогда он спросил у Рыжего, где король.

– Здесь, – ответил Рыжий с набитым ртом. Он ел уже третий клубень. Потом, наконец, прожевал и добавил, указывая вверх:

– Повсюду.

Повсюду были только светлячки. Один из них сел Пашке на руку, поморгал золотым брюшком и тут же улетел.

– Ну вот, считай, поздоровался с тобой, – пояснил Рыжий.

Пашка хмыкнул и улёгся на камень. Он ещё долго лежал так, глупо улыбаясь, отчего-то совершенно счастливый. По телу разливалось приятное тепло. Над ним сновали жёлтые огоньки, вспыхивали и гасли во тьме, вспыхивали и гасли... Вот бы всю жизнь так лежать, смотреть на светлячков, не думать ни о чём. И чтобы рядом – его семья: большая и шумная, босоногая, чумазая. Родная.

– Классно, когда столько братьев, – сказал Пашка.

– А сколько у тебя было раньше? – спросил Рыжий.

Пашка честно попытался вспомнить – и не смог.

5

Проснулся он оттого, что его будто окликнули по имени. Пашка открыл глаза. Вокруг было темно, пахло тиной, а сам он тонул в чём-то мягком, но упругом. Вскочив, он ощупал прохладный губчатый пол и такие же стенки. Похоже, он попал внутрь какого-то растения. «Лишь бы не начало меня переваривать», – мелькнуло в голове. Память подкинула яркий разворот из какой-то книжки про живой мир: там хищные растения ловили мух на сладкие капельки.

Пашка взвыл и стал биться плечом в стенку.

Главное, про растения-ловушки он помнил, а как попал в одно из таких – нет. Да и вообще, вчерашний вечер почти стёрся из памяти. Только мелькали в воспоминаниях жёлтые огоньки да звучала одинокая протяжная мелодия.

Стенка поддалась, расступилась, и Пашка наполовину выпал наружу – и сразу понял, где находится. Каким-то чудом он угодил в один из шаровидных домов, что росли на озере, и, видимо, проспал в нём всю ночь.

Был день. Меж гигантских корней в грот проникали лучи солнца. Они играли на воде, отражались бликами на корнях. В гроте стояла сонная тишина.

Снова зов. Теперь Пашка уловил голос короля, который звенел прямо в его голове. Не раздумывая о том, как вообще такое может быть, Пашка прямо из шара прыгнул в озеро. Высота была нестрашная: то ли уровень воды поднялся, то ли шары присели. Но он всё равно плюхнулся так, что поднял тучу брызг, а гулкое эхо запрыгало по стенам. Из некоторых шаров выглянули заспанные мальчишки. Одни пожелали новичку доброго утра, другие – утопнуть в озере и не мешать спать.

Прохладная вода бодрила, Пашка плыл к берегу так быстро, как мог, молотя со всех сил ногами и по-собачьи перебирая руками. Пловец из него был такой же, как и бегун, – то есть никакой. Выбравшись, наконец, на берег, он полез по одному из корней наверх. После вчерашнего древолазанья руки ещё болели, но удивительное дело: сил как будто прибавилось.

Грот наполнялся смехом и плеском воды. Обернувшись, Пашка увидел, что некоторые мальчишки тоже попрыгали в озеро и принялись трясти стебли с домами ворчунов. И ни один не спешил, повинуюсь королевскому зову.

Пашка взбирался по грибной лестнице и немного нервничал: что королю от него понадобилось? Вчерашнее собрание горело в памяти, а вместе с ним горели и Пашкины уши. Он должен был вмешаться, как-то переубедить короля! В конце концов, предложить другую игру, безобидную. Таковую, в которой не надо разрушать голубятню.

Сверху послышался шорох, треск, хрустнул трухлявый гриб – и на Пашку свалился Рыжий.

– О, проснулся! – обрадовался он. – А я как раз за тобой.

– Привет! А я уже...

– Услышал зов?

– Вроде да.

– Здорово! Я тоже всегда хорошо слышу, если король зовёт. Побежали скорей!

И Рыжий как ни в чём не бывало полез обратно, на ходу рассказывая:

– У нас там этот... Как его... Военный совет! Разрабатываем эту... Как её...

– Стратегию?

– Да, точно, стратегию. Все ждут твоих идей.

Пашка вслед за Рыжим подтянулся на крепкой ветке:

– Знаешь... Уф! У меня только одна идея: поиграть во что-нибудь другое.

– Чего-о? – Рыжий запнулся и чуть не наступил Пашке на голову. – Нет, так не пойдёт, ты что! Первое слово дороже второго! Ты же сам хотел воевать...

– Это не я хотел, а король.

Рыжий дёрнул плечами:

– Без разницы. Ты сказал: придумываем вместе. Вот король и придумал. Я сначала такой: что за ерунда? Никуда я не вернусь, мне и тут хорошо. А вот Белую даму свергнуть – другой разговор! Она же крадёт детей просто-напросто. Да ты не бойсь! Весело будет. Мы сто раз уже ходили на голубятню...

– Ломали?

– Да не, король ведь никогда не играет в одно и то же дважды. Следили, исследовали... Ещё по голубям стреляли.

– По голубям?! – Пашка аж закашлялся. – Да как вы... Они живые, им больно!

Рыжий обернулся и улыбнулся так, будто Пашка был совсем дурачок.

– Ну, чего ты? Подумаешь... Не такие они и живые.

– То есть?

– То и есть. Рассыпаются прямо в воздухе, только пыль от них, серебристая такая. Красиво очень. Ну, увидишь ещё.

– Ты обманываешь, – насутился Пашка, – чтоб меня успокоить. Так ведь не бывает.

Рыжий не стал спорить.

Когда они, наконец, взобрались на самую вершину Одинокой ивы, полуденное солнце уже вовсю припекало. Пашка был рад укрыться в тёмном, прохладном жилище короля. Здесь, как и вчера, пахло чем-то сладким, карамельно-медовым. Сегодня Пашке даже нравился запах. В редких белых лучах танцевали былинки, блестели лазерные диски и цветные стёклышки, подвешенные к потолку.

В гнезде была куча народу. Скрестив ноги, в кругу сидели четверо мальчишек: один помладше, двое примерно Пашкины ровесники и ещё один почти взрослый парень. Трое из них жарко спорили, только младшему не давали и слова вставить.

– С деревьев надо! – доказывал темноволосый мальчишка диковатого вида, с густыми бровями и орлиным носом.

– А я говорю: с холма! – настаивал самый старший, высокий и широкоплечий блондин.

– Надо вообще по-тихому подкрасться, – говорил третий, тоже светлый, но худющий пацан с высоким лбом и удивительно длинными пальцами. Сам он выглядел спокойным, только пальцы будто жили своей жизнью: нервно теребили то ухо, то волосы, то края шорт.

У дальней стены стоял Шурик. Он сумрачно следил за спорщиками, но сам отмалчивался. Увидев Рыжего и Пашку, он слегка мотнул головой в сторону, мол, забегайте.

– Что ты на этих деревьях делать будешь? – усмехался блондин.

– Бросаться! – отвечал чернявый.

– Чем, шишками?

– Почему шишками?.. На берёзах шишки не растут.

– Да ладно, гений!..

– Камней наберём и...

– Никаких камней! – вмешался Пашка.

Теперь их с Рыжим заметили все.

– О, это ж новичок, который игру придумал! – Блондин протянул Пашке широкую лапу. – Привет, я Брюс. А этот древолаз – Арман.

– А чего я?.. Я так просто, – Арман насутил густые брови, но тоже поздоровался с Пашкой.

– Он прав: камни – фигня. Лучше всего огонь, правда же? – лукаво подмигнул худощавый мальчишка, но, увидев Пашкино лицо, поспешно добавил: – Да не дрожи, я пошутил. Тадеуш, можно Тадзи.

Рука у Тадзи оказалась на удивление крепкой и холодной, как у скелета.

– А я, – протиснулся к Пашке самый младший мальчишка, лет семи-восьми на вид, – я Флориан. Можно Фло.

У Флориана были огромные серо-голубые глаза и по-детски длинные ресницы. Пашка невольно улыбнулся, вспомнив «Бэмби»:

– Тебя тут не дразнят Цветочком?

Флориан помотал головой:

– Нет! У нас никого не дразнят.

– Это правда, – вдруг сказал невидимый голос, и наверху зашуршала сухая листва. – Мы все – одна большая семья.

Из темноты выпала тень, распрямилась, шагнула в круг. Король расправил худые Пашкины плечи, улыбнулся на Пашкин манер, одним уголком рта:

– Рад, что слышал мой зов. Без тебя тут скука смертная и никто правил не знает.

– Да, – поддержал Арман. – Ты скажи толком: что можно, что нельзя. Мы ж не знаем, игра твоя.

Пашка насупился:

– Да не моя она...

Он глянул по сторонам – на Рыжего, на Шурика, ища поддержки. Рыжий показал язык. Шурик же устало вздохнул, совсем как взрослый, отлепился от стенки и шагнул к ребятам:

– Слушайте, новичок ясно вчера сказал: давайте придумывать все вместе. Вот, пусть каждый назовёт одно правило.

– Пашкино правило – не бросаться камнями, это я понял, – сказал Арман. – Тогда моё будет нападать с деревьев!

– Так не пойдёт! – нахмурился Брюс. – Моё правило – нападать с холма.

– С деревьев!

– С холма!

– А моё! – воскликнул вдруг Флориан, и все удивлённо посмотрели на него. – Моё правило – нападать с двух флангов одновременно. И с деревьев, и с холма.

Брюс и Арман переглянулись.

– Фло, да ты гений, – похвалил Рыжий.

Флориан зарделся:

– Я давно хотел предложить, мне просто не давали...

– Рыжий, Тадзи, у вас что? – спросил Шурик.

– Хочу возглавлять разведку! – воскликнул Рыжий.

Тадзи лениво потянулся:

– Ну, если поджигать нельзя, давайте хотя бы ночью нападём, что ли.

– Принимается, – кивнул Шурик. – Моё правило такое: сначала мы подготовимся как следует. Проведём разведку, военные сборы, натренируем всех. Вообще всех, – строгим взглядом он обвёл совет, остановился на Пашке. – Особенно дохляков и новичков.

Король хлопнул в ладоши:

– Отлично! Подготовка – это важно. Даю три дня. Потом идём в атаку!

Шурик открыл рот, закрыл. Моргнул.

– Но как же?.. – Он совсем растерялся. – Три дня – слишком мало! Я думал, недели две... А то и месяц! Вон, Пашка: даже на дерево залезает кое-как! И его – на битву? Я хотел...

Король скривился:

– Знаю я, что ты хотел. Игра тебе не нравится, и ты решил, я за две недели забуду о ней, или появится другой новичок.

– Нет, совсем нет, ваше Мальчишество!..

– Три дня! – Он сцапал и рванул блестящий диск с верёвки. – Ни часом больше. А первый день уже начался.

Раздался хруст: одним движением пальцев король разломил диск на кусочки. Протянул осколок Шурику, приказал странным, будто стрекочущим голосом:

– Сделай себе зарубку, Шурик.

Пашку от этого голоса пробила крупная дрожь и вместе с ней пришла радость: это Шурика наказывают, а не его, Шурика, а не его.

– Сделай зарубку!

Левая рука Шурика, как чужая, взяла осколок, замахнулась, на миг задержавшись, дёрнулась – и резко, накрест хлестнула по запястью правой.

Пашка и не думал, что Шурик левша. Тот, другой, добрый и мягкий, которого Пашка знал когда-то раньше, в прошлой жизни, он бы резал правой. Нет, он бы вообще не резал. Слишком боялся вида крови.

Ниточка из маленьких тёмных капель набухла, собралась в одну большую. Капля поползла по руке, оставляя красную дорожку. Шурик слизнул её.

– Это первый день, – сказал король.

– Первый день, – эхом повторил Шурик.

Король одобрительно кивнул.

– А до тебя не так-то просто докричаться, – сказал он. – И на пиру прошлой ночью не было.

– Я устал и уснул.

– Правда? Ну, ничего. Мы это исправим. – Король окинул скучающим взглядом остальных. – Ладно, все свободны. А ты, Шурик, остайся.

Мальчишки тут же поспешили на выход, толкаясь локтями. Пашка с тревогой взглянул на Шурика: тот, как заколдованный, смотрел на свою руку. Рыжий схватил Пашку и поволок к выходу.

– Пойдём, пойдём, – подгонял он.

– А как же?..

– Ничего, пошли. Всё в порядке.

После сумрака королевского гнезда солнце слепило. Пашка рвался назад, но Рыжий преградил ему путь.

– Всё в порядке, – повторял он.

– Ничего не в порядке! – Пашка бил Рыжего кулаками в грудь, а тот просто стоял как истукан и терпел. – Он же порезал себя! Не хотел, но порезал! Ты что, не видел? Его заставили!

– Видел, – ответил Рыжий.

Пашка взвыл. Он хотел уже таранить Рыжего головой, но тут на плечо ему легла тяжёлая рука Брюса.

Брюс сказал:

– Осади, новичок. Шурик сам виноват. Прокололся.

– Прокололся?

– Да. С его Мальчишеством шутки плохи. Не любит, когда с ним спорят.

– И когда пропускают пир, – добавил Арман. – Ну что, пойдём? Я уже придумал, кого возьму в свой элитный отряд стрелков!

– Пошли, – Рыжий примирительно улыбнулся.

– Никуда я не пойду. – Пашка дёрнулся прочь. – Буду ждать Шурика.

– Долго просидишь, – сказал Рыжий.

Вместо ответа Пашка поднял большой палец вверх и медленно сел на ветку около гнезда. И вдруг почувствовал: такое уже случалось с ним. Когда и где – непонятно, но точно было. И такая тоска вдруг охватила Пашку, что он не выдержал, сказал:

– Ребят, у меня сейчас было дежавю. Это когда...

– Когда кажется, что такое уже происходило, – закончил за него Флориан. – Обычное дело, здесь у многих так.

– У многих?

– Говорят, это прошлая жизнь пробивается, – добавил Тадзи, – которая до голубятни была.

Арман фыркнул:

– Вот вы позорники... Ещё признайтесь, что в штаны дуετε.

Рыжий захихикал. Пашка недоумённо закрутил головой.

– Не принято о таком говорить, – пояснил Брюс. – Да и король не любит. У кого бывает, те молчат. А у кого-то и не бывает.

– У меня вот никогда не бывает! – Рыжий задрал нос.

– Ну и радуйся, – огрызнулся Пашка.

– Ну и радуюсь!

– Всё, пошли, – позвал Брюс. – Шурику привет!

Один за другим мальчишки стали спускаться с дерева. Цепочку замыкал Рыжий. Уже свесив ноги с ветки, чтобы прыгнуть, он посмотрел на Пашку и сказал:

– Ты это, приходи потом всё равно. Всё-таки это твоя игра.

У Пашки чуть слёзы из глаз не брызнули:

– Да не моя это игра! Не моя! Вы сами всё придумали, король придумал! Я ни при чём. Я вообще домой хочу... Но ничего не помню, ничего! – Он саданул кулаком по жёсткой коре, костяшки пальцев обожгло. – Просто какая-то дыра вместо прошлого...

Рыжий вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Думай что хочешь, но мы тебя всё равно ждём. И Шурика тоже. И он скрылся в густой листве.

6

Минуты шли. Шурик торчал в гнезде убийственно долго. Что-то щёлкало тихонько у Пашки за спиной. Ветка или?.. Затылок щекотало холодком, будто сам король стоял за его спиной и наблюдал. Пашка боялся повернуть голову. Его Мальчишество наверняка слышал весь разговор и теперь расправится с Пашкой так же, как расправился с Шуриком. Ноги у Пашки горели, хотелось бежать прочь. Но бросить в беде человека он попросту не мог.

Наконец, покачиваясь на мягких ногах, из гнезда выбрался Шурик. Пашка едва успел его подхватить, чтобы не рухнул с дерева головой вперёд. Шурик смотрел на него блуждающим взглядом и как будто не узнавал. От него шёл странный запах, и Пашку снова накрыло воспоминанием, только жутким. Кто-то так пах в его прошлом, кто-то большой, близкий и опасный.

Впрочем, Шурик опасным не выглядел, а вот беспомощным – ещё как.

– Пашка, – пробормотал Шурик, кое-как ворочая языком. – Пашка, друг мой, я хотел вспомнить хоть что-то... Тебя почти вспомнил... Но этот жук! – Он потряс кулаком в воздухе. – Этот жучила всё испортил, Пашка. Теперь опять забуду...

– Ладно-ладно. Пойдём домой.

Пашка подхватил Шурика и помог ему спуститься к жилищу, кое-как затащил внутрь, в прихожку. Там Шурик упал и дальше идти отказывался. Пашка устроил его на мхе, пробормотал:

– Что же король с тобой сделал?..

– Какой он, к бесам, король!.. – Шурик вдруг развязно, по-моряцки выругался, так что у Пашки глаза на лоб полезли. – Па-ра-зит он. Только светится красиво. Эта голубятня... Понимаешь, ему выгодно! Сломать её выгодно. Чем больше новичков, тем больше надо сил на них тратить. Магии там, не знаю, как он это делает: пуф – и разлетелся на огоньки...

– Какой магии? Зачем?

– Ясно же: чтоб забывали прошлое, чтоб не росли. И были при нём всегда – служили, развлекали... Но на всех, видимо, уже не хватает сил. Я сейчас усну. А ты больше не пируй, понял? Не пируй. Иначе даже имя своё забудешь. Рыжий вот... Рыжий не помнит. А я...

И Шурик действительно уснул, оставив Пашку с разинутым ртом и полной кашей в голове.

Вернее, наоборот: всё только прояснялось, вставало на свои места.

Очарование прошлого вечера – всё это братство и светлячки над водой – окончательно улетучилось. Только что Пашка узнал ужасную вещь: каким-то образом король отнимал у мальчишек все воспоминания о том, что было до голубятни. И у Пашки тоже: как ни старался, он не мог вспомнить ничего, что было раньше Белой дамы.

Ох, как же хотелось драпать, да со всех ног!.. Сверзится с этого дерева-переростка, сбегать от короля – и в лес, к Связующей голубятне, пока король её не разрушил... А что дальше?

Пашка вцепился в Шурика и стал его трясти. Тот мгновенно подскочил, ошалело озираясь по сторонам.

– Я не сплю! – Он громко зевнул. – Дурацкие ночные дозоры...

– Надо бежать! – перебил его Пашка. – К голубятне!

– А что, уже началось?

– Что началось?..

– Наступление. – Шурик посмотрел на глубокий порез, что сделал по приказу короля, так же спокойно, как если б это были наручные часы. – Какой сейчас день?

– Первый... – оторопел Пашка. – Ты что, совсем ничего не помнишь? Король с тобой что-то сделал, и ты всё забыл!

Шурик сморгнул. Уставился на Пашку, как на помешанного:

– Неправда, я всё помню. Его Мальчишество вернул меня в семью, теперь я чувствую всех-всех! Только щекотно немного. А вот тебя, новичок, пока не очень. Ты обязательно сходи на пир!

– Вот же только говорил, что...

– Обязательно! Знаешь, куда идти? А то давай провожу.

Шурик попытался подняться, но запутался в ногах и упал.

«Только этого не хватало, – ужаснулся Пашка. – Он вообще как будто обнулился».

Но вслух сказал очень бодрым голосом:

– Да ты лежи, лежи! Не заблужусь. Лучше отдохни, как следует, нас ведь ждут великие дела.

– Это ты прав, новичок, – Шурик сразу расслабился. – Точно дорогу найдёшь? Надо спуститься под корни, там...

Шурик опять уснул, недоговорив. Оставил Пашку совсем одного. «И этот туда же», – с горечью подумал Пашка, хотя и не мог вспомнить, кем был другой.

На строевую он, после долгих раздумий, всё же спустился. С северной стороны ивовая крона давала густую прохладную тень. Здесь, на вытоптанном пяточке, бегали по кругу человек двадцать. В центре круга, сложив на груди руки и широко расставив ноги, стоял Брюс. Он сурово следил за бегунами и с удовольствием покрикивал:

– Пошевеливайтесь! Ать-два, ать-два! Будете бегать, пока у меня голова не закружится! – и всё в таком духе.

Пашка по широкой дуге обошёл Брюса – ещё не хватало, чтобы его заметили, – и наварлся на стрелков из рогаток. Отрядом руководил Арман. Сидя на узловатом вздыбленном корне, он подкидывал в воздух какие-то шарики, похожие на шишки, а отряд старался поразить движущуюся мишень. Пашка задержался, вглядываясь в снаряды стрелков: хоть и мелкие, всё-таки камни! Арман его заметил, помахал.

– Давай к нам! Мы тут тренируемся.

Делать нечего. Пашка, стараясь не переломать в корнях ноги, пробрался к мальчишкам. Сразу множество рук, загорелых и в веснушках, в цыпках и в порезах, потянулись к нему, и Пашка пожал каждую. Кто-то сунул ему рогатку. Пашка растерянно повертел её: выстругано не очень аккуратно, но старательно, а чёрная резинка крепкая, тугая, с широким ложем для снаряда.

– Умеешь стрелять? – спросил веснушчатый мальчишка.

– Да чего б он не умел! – вступился за Пашку другой. – Из рогатки все умеют.

– Ага, особенно ты, – поддразнили заступника.

– Да я и не буду стрелять. – Пашка попытался растянуть резинку, но не смог. – Жёсткая!

– Не, – сказал Арман, – рогатки тогда не твоё. Может, в разведку хочешь?

Пашка подумал и сказал:

– В разведку хочу. Если там стрелять не надо.

– Не надо, – заверил Арман и махнул в сторону луга. – Иди вон к Рыжему.

Отряд сразу загалдел всякое подбадривающее:

– Ничего! Быть стрелком непросто.

– Разведчики тоже нужны! Без разведки какая война?

Пашка попытался вернуть рогатку, но никто её не взял.

– Оставь, – посоветовали. – Вдруг ещё передумаешь.

– Или пригодится!

– Ладно, – Пашка сунул рогатку в карман уже порядком замызганных шорт и пошагал к лугу, мимо Брюса и его бегунов. Теперь, пристроенный, он не боялся Брюса, и когда тот окликнул его, явно желая затянуть в свой бесконечный бег по кругу, просто ответил:

– Я разведчик!

Брюсу этого хватило, чтобы отстать. Видимо, разведчикам не обязательно метко стрелять или быстро бегать. Хотя рогатку ему всё-таки навязали, и теперь она раздражающе хлопала Пашку по ноге. И чем она ему пригодится, интересно? Пашка решил, что просто передарит тому, для кого стрелять в порядке вещей. А ещё лучше – совсем выкинет. Да, именно выкинет.

Зайдя по самую шею в прямое луговое разнотравье, Пашка размахнулся и со всей силы запустил рогаткой. Прощай, оружие!

– Ой! – вскрикнул кто-то. Среди колокольчиков и чертополоха показался высокий лоб Тадзи с длинной красной ссадиной, а следом рука Тадзи. Рука потёрла лоб. Тадзи увидел Пашку и нахмурился:

– Это ты, что ли, палками кидаешься?

– Вообще-то, рогатками, – уточнил Пашка. – Прости, я не хотел.

То там, тот тут, как грибы, из травы выглянули и другие мальчишки. Словно индейцы, они окружили Пашку.

– Всю операцию мне сорвал, – жаловался Тадзи. – Ещё и шишку набил.

– Прости, – опять повторил Пашка. – Вы разведчики, да? Меня к разведчикам... Ай!

Кто-то подкрался сзади, схватил его за плечи и сильно дёрнул вниз. Пашка завалился, перекатился на живот – на него тут же уселись и крепко схватили за руки.

– Попался, – довольно сказал Рыжий. Он сидел верхом на Пашке и прижимал его острыми коленками к земле.

– Ты чего?! Отпусти!

– В разведчики захотел, да? А для разведчика знаешь, что самое главное?

– Не быть рыжим? – простонал Пашка.

– Незаметность, – припечатал Рыжий.

– Ну, вообще-то, – раздался вдруг тихий голос Флориана, – ты, Рыжий, очень заметный...

– Ой, умные все какие! – командир отряда всё-таки смиловился и отпустил Пашку. – Давай называй три качества хорошего разведчика – тогда примем.

Другие мальчишки подбежали ближе, наострили уши, а Тадзи забыл про своё ранение.

Пашка нахмурился, пытаясь вспомнить хоть что-то про разведчиков. Флориан подбодрил его кивком. И тут в чёрной дыре, которая зияла теперь вместо прошлого, вдруг всплыла полка с книгами. Где Пашка видел эту полку раньше и что за книги на ней стояли, он не знал, но этот проблеск воодушевил его.

Пашка стал загибать пальцы:

– Значит, так: незаметность... Ещё наблюдательность: потому что разведчику нужно всё замечать и запоминать. И наверное... – Он задумался на миг. – Наверное, уметь ждать.

– Почему? – спросил Рыжий.

– Потому что бывает так, что лучше затаиться и переждать, чем лезть напролом.

– Точно. – Рыжий показал «класс». – Лично я всегда за то, чтобы переждать. Не нарываться, знаешь. Не высовываться. Кстати, как там Шурик?

– Странно, – честно сказал Пашка. – Сказал, что почти меня вспомнил, но из-за короля опять забыл...

– Да, точно! – перебил Рыжий. – Ещё знаешь, что важно? Не болтать слишком много, правда же?

Он улыбнулся и как ни в чём не бывало переключился на Тадзи:

– Ну, что там у тебя? Шишка? Ну-ка, покажи.

Остальные разведчики тут же потеряли к Пашке всякий интерес. Кто-то нырнул с разбегу в траву и пропал. Другие принялись их искать, прочёсывая луг. Делали они это увлечённо, но как попало. Только Флориан не спешил прятаться или искать. Он вдруг дотронулся до Пашкиной макушки:

– Надо тебе на голову что-то.

Действительно, солнце припекало, и тёмные Пашкины волосы стали уже горячие.

– Тадзи! – позвал Флориан громко. – Тадзи, стоп игра! Дай Пашке свою бандану, ты всё равно не носишь!

– Ничего не стоп. – Совсем рядом зашуршала трава, и Тадзи возник прямо под носом у ребят.

– Прости, – снова сказал Пашка, хотя уже дважды извинялся.

– Да проехали. – Тадзи протянул Пашке выцветший платок. – Вот, держи.

– Спасибо.

– Ерунда. Не выдавайте меня только.

Тадзи нырнул в лиловые стрелки кипрея и исчез.

– Он мастер в прятки играть, – похвалил Флориан.

– Слушай, – Пашка расправил платок и стал обвязывать им голову на пиратский манер. –

А ты тоже, как Рыжий, за короля?

Флориан как-то глупо хихикнул. Пашка уточнил:

– Тоже думаешь, что Мальчишество прав, что он был тут всегда, что играть в войну весело, что голубятню надо уничтожить?.. Что тут смешного?

– Ничего, – сказал Флориан. – Просто новички всегда так поначалу: задают вопросы, пытаются убежать...

– А ты много новичков видел? – усмехнулся Пашка.

– Я маленький, но дольше всех в Долине. Для меня тут все новички.

– Врёшь!

– Можешь не верить, но я всё про тебя знаю. Ты хочешь убежать, но боишься или не знаешь куда. И ищешь, кого бы подбить на побег, да же? С Шуриком не получилось – ты ко мне. Но, по-честному если... – Флориан поднял на Пашку огромные, немного навываля глаза. – Отсюда ведь не убежишь.

Посреди жаркого лета Пашку обдало холодом.

– Иногда я воображаю, что на самом деле сплю, долгим-долгим сном, – продолжил Флориан. – Тогда легче становится.

Он развернул руки тыльной стороной вверх, чтобы было видно. Пашка тупо уставился на тонкие белые шрамики от порезов, прямо как у Шурика. Шрамиков было очень много.

– С его Мальчишеством лучше играть, – тихо сказал Флориан. – Поверь.

В памяти ни с того ни с сего всплыла странная история про летающего мальчика. Этот мальчик дружил с феями и играл на флейте. А ещё – крал детей и бил их по рукам, если они плохо веселились. Откуда он её помнит?..

– Пашка! – позвал Рыжий из далёкого далека. – Чего застыл? Давай прячься! Посмотрим, какой из тебя разведчик.

И Пашка спрятался.

7

Трава сомкнулась над его головой с тихим шорохом. Земля стала близкой-близкой, как бывает только в раннем детстве: каждый камешек под ногами видно, каждую былинку и муравья. Но разглядывать некогда. Пригнувшись, Пашка побежал так быстро, как мог. И не куда-нибудь наобум, а к берёзовому лесу. К Связующей голубятне.

– Эй, он здесь! – раздался позади голос Флориана.

Пашка в ужасе обернулся, думая, что Флориан его сдал, но тот показывал совсем в другую сторону. Сразу стало стыдно: всё-таки бросил малька, даже не стал уговаривать на побег. И Шурика бросил. И вообще всех.

Пашка осторожно высунулся из травы: разведчики ушли далеко, их лохматые головы казались теперь такими же маленькими, как венчики полевых цветов. И Пашка побежал, уже не таясь.

«Они сами выбрали своего короля. Сами! – стучало в голове. – Не хотят – не надо. А я смогу!»

Пашка летел, как на невидимых крыльях, грудью рассекая колкое разнотравье. Перекличка мальчишек подстёгивала хлестким кнутом. Откуда ни возьмись бросилась под ноги кочка – Пашка запнулся и рухнул носом в землю. Пыль запорошила глаза, набилась в рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.